

МАМА
ДЛЯ ДРАКОНЧИКА

Рина Вергина

Рина Вергина

Мама для дракончика

<https://litres.ru/74204179>

Аннотация

Я пришла сказать мужу, что жду ребёнка... и застала его в постели с любовницей. Наш брак давно был обречён, но я всё ещё любила его. Смирилась даже с тем, что у него есть ребёнок от другой женщины. Но в тот день поняла — пора уходить. Я уехала, так и не сказав ему о ребёнке. По дороге на мой экипаж напали разбойники. Пытаясь спастись, я упала, ударилась головой... и потеряла память. Очнулась в монастыре, где начала жизнь с нуля и родила дочь. Спустя три года мне предложили работу няней в богатом доме. Я согласилась, не зная, что вместе с ребёнком возвращаюсь к своему мужу. Он узнал меня сразу. А я... даже не помню, кем была для него.

Входит в цикл - Мой папа-дракон. Первая книга - Папа для дракончика -

Книги можно читать отдельно

Содержание

1	4
2	9
Визуалы	13
3	14
Визуалы 2	17
4	18
5	23
6	29
7	34
8	39
9	44
10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

- Вас можно поздравить, леди. Вы ждете ребенка.

Лекарка тепло улыbnулась, поправляя мое платье. Я медленно села, прижимая руку к животу. Совсем плоскому.

Сердце ударилось о ребра.

Я так долго этого ждала. Мы ждали... И вдруг — всё. Свершилось.

Теперь можно не ловить на себе пренебрежительные взгляды родни, не делать вид, что не замечаю холодной усмешки Лейстера, не глотать молча его раздражение. Теперь я не просто жена, от которой можно отмахнуться, как от назойливой мухи. Теперь я — мать его наследника.

Теперь со мной придётся считаться.

Я почти не помню, как добралась до экипажа.

— Домой. Как можно скорее, — сказала я, едва коснувшись подушки сиденья.

Дорога казалась бесконечной. Колёса подпрыгивали на камнях, экипаж трясло, а я всё сидела, не отнимая руки от живота, будто боялась, что если отпущу — всё исчезнет, окажется сном, глупой, жестокой шуткой.

Мечтала, как устрою праздничный ужин. Красиво накрою стол. Зажгу свечи. Мы сядем рядом и будем говорить о том, каким он будет. Наш ребенок. Мальчик или девочка. Нет, только мальчик. Лейстеру нужен сын. Наследник. А не ба-

стард, которого он так усердно привечает.

Я соскочила с подножки, едва экипаж остановился. Спросила у слуги:

- Лорд прибыл домой?

- Да, леди. Только он...

Я отмахнулась, даже не дослушав. Я и так знала. Он устал. Он занят. Он не желает меня видеть.

Сколько раз я уже слышала это?

Но сегодня всё иначе. Сегодня у меня есть причина, от которой он не сможет отмахнуться.

Я почти бежала по лестнице, подхватывая юбки, чувствуя, как внутри всё дрожит — от волнения, от радости, от странного, непривычного предвкушения.

Влетела по лестнице на второй этаж. Остановилась.

К себе? Или сразу к Лейстеру?

Решение пришло мгновенно. Подхватила юбку и повернула в сторону его покоев.

Кабинет был закрыт. Я прошла дальше. В его спальню. Нервно облизнула губы. Пригладила волосы. Натянула на губы кокетливую улыбку.

Толкнула дверь.

Услышала женский смех.

Лейстер полулежал на кровати, расслабленный, лениво самодовольный, прижимая к себе полуголую девушку, которая хихикала, выгибаясь под его руками. Его пальцы скользили по её телу так уверенно, будто он давно изучил каждую

линию.

Внутри что-то оборвалось.

Оба повернули голову, услышав мои шаги. Внутри все заледенело, но что-то упрямо толкало вперед. Моя улыбка превратилась в ядовитый оскал.

- Как ты смеешь, Лейстер?

- Тебя что-то не устраивает, любимая, - промурлыкал он, не отнимая ладоней от выпуклых частей сидящей на нем девицы. А та даже не шелохнулась. Лишь с любопытством уставилась на меня.

- Зачем нужно было тащить ее в наш дом? Чтобы мне было больнее? Ты настолько ненавидишь меня, Лейстер?

Он лишь криво усмехнулся, приподнимая бровь.

- Не больше чем ты меня, Жози.

Эти слова задели сильнее, чем всё остальное. Но он уже продолжал, будто не замечая:

— Впрочем... — он чуть сдвинул девицу в сторону и протянул мне руку. — Я могу быть великодушным. Присоединяйся. Уверен, тебе понравится.

Он смотрел прямо на меня своими невозможными синими глазами, холодными, как лёд, и внимательными, как у хищника.

Проверял. Сломаюсь ли.

Я медленно расстегнула верхнюю пуговицу платья.

Сделала шаг.

Ещё один.

И ещё.

Лейстер на мгновение действительно удивился — едва заметно, но я это увидела.

— Почему бы и нет... — протянула я почти лениво, подходя вплотную.

Нагнулась к нему, так близко, что чувствовала тепло его кожи.

Смотрела в глаза.

И вдруг отчётливо поняла: будь он сейчас один... я бы сказала. Сказала бы, что он станет отцом.

И, возможно, даже поверила бы, что это что-то изменит. Что всё ещё можно спасти. Что наш брак — не ошибка.

- Знаешь, зачем я здесь...

Он сузил глаза, настороженно наблюдая за мной. И в этот момент во мне что-то окончательно оборвалось.

— Сказать, что ты победил, — тихо произнесла я. — Что я отпускаю тебя.

Я выпрямилась. И ударила.

Пощёчина прозвучала звонко, резко, разрезая воздух. Лейстер даже не пошевелился. Только в глазах на долю секунды вспыхнула ярость.

И этого мне оказалось достаточно.

— И что пошёл ты к чёрту, Лейстер.

Вышла и даже дверью не хлопнула.

Только в коридоре позволила себе вдохнуть — резко, жадно, будто до этого не дышала.

— Рена, — позвала я, удивительно ровным голосом. Хотя все бушевало внутри. — Немедленно собери мои вещи.

Я коснулась живота осторожно, почти боясь.

Прости, малыш. Он не должен узнать о тебе. Возможно, я действительно ледяная стерва. И это моя маленькая месть.

Пока Рена складывала мои вещи, как дикий зверь ходила из угла в угол. Наверняка Лейстеру донесли о том, что я уезжаю. И всё же... неужели Лейстеру настолько плевать?

После того, что я увидела в его спальне, удивляться, конечно, было глупо, но внутри всё равно жила какая-то упрямая, почти унижительная надежда, что он хотя бы остановит меня. Скажет что-то. Задержит.

Глупо.

Наверняка он уже вернулся к своей девке.

Жгучие слезы колют глаза. Усилием воли не даю им пролиться. Уж точно не перед Реной. Лучше буду ледяной стервой. У меня всегда хорошо выходило притворяться.

За окном послышался звук подъехавшего экипажа. Я быстро подошла к окну. На дверке красовался герб АйкВандеров.

Дверка открылась и из экипажа вышла пожилая женщина. И тут же за ней как мячик выпрыгнул светловолосый малыш. В нетерпении завертелся вокруг женщины.

- Кристофер, пощади тетушку Джен. Дай мне руку и войдём в дом, как подобает молодому лорду...

Но договорить она не успела.

— Крис... иди ко мне...

Я даже не заметила, как Лейстер оказался на крыльце.

Он почти сбежал по ступеням вниз, присел, подставляя руки, и мальчик с радостным вскриком буквально влетел в его объятия. Лейстер легко подхватил его, поднял, даже подбросил в воздух, и на его лице появилось то выражение, которого я никогда не видела, обращённого ко мне.

Тепло. Живое, настоящее.

Сердце сжалось от этой картины. Кристофер – внебрачный сын Лейстера. Он родился еще до нашей с ним свадьбы. От женщины, которую он любил. Которую потерял из-за того, что был вынужден жениться на мне.

Глупо, но я до сих пор ревную к ней. Надеюсь, что после нашей свадьбы он забудет ее. Что я смогу пробудить в нем любовь. Но ничего не помогло. Только хуже стало.

И, глядя на них сейчас, я вдруг отчётливо поняла: если я исчезну из его жизни, он не потеряет ровным счётом ничего.

- Вещи собраны, леди, - доложила Рена.

- Пусть отнесут вниз и погрузят в экипаж, - бросила холодным тоном.

Накинула на плечи легкий плащ. На голову шляпку. Вышла из комнаты.

Я спускалась по лестнице вниз, а Лейстер поднимался с Крисом на руках.

- Прощай, - бросила я, как можно равнодушнее глядя в его синие глаза.

Лейстер скривил в усмешке губы.

- Думаешь, я поддамся на твою уловку. Через три дня ты

вернешься как ни в чем не бывало.

- Спорим, - улыбнулась в ответ.

И только после этого позволила себе перевести взгляд на ребёнка, который доверчиво прижался к его плечу. Мальчик был красив. Светлые волосы, яркие глаза — точная копия отца.

Перед свадьбой я настояла на клятве. Он не признает его. Тогда мне казалось это разумным. Правильным. На этом настаивал мой отец.

Я мечтала, что место старшего сына займёт мой ребёнок. Наш с Лейстером сын.

Но я проиграла. Я сделала все, чтобы Лейстер был со мной. И проиграла.

— Оставайся со своей любовницей, — тихо сказала я, чувствуя, как голос предательски дрогнул. — И со своей жизнью, в которой мне больше нет места.

Вздернула голову и прошла мимо. Меня грела тайна внутри. И грызла одновременно. И я действительно сейчас ощущала себя ледяной стервой.

Сбежала по лестнице вниз. Взобралась в экипаж и только после этого смогла выдохнуть.

Поздно вечером я была у отца. Тот выслушал меня с безразличным выражением на лице.

- Что ты хочешь от меня? — произнес он.

- Чтобы ты позволил остаться. Я не вернусь к мужу.

Он усмехнулся.

— Ты сама добивалась этого брака. Бегала за ним, унижалась. Ты получила, что хотела. Теперь возвращайся и не трать моё время.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

— Позволь мне остаться хотя бы до утра, — тихо попросила я.

— Можешь занять свою комнату, — бросил он через плечо. — Но утром уезжай.

Я все же ночью расплакалась в подушку. Муж меня ненавидит. А отцу на меня наплевать.

Утром экипаж тронулся, и я сидела, глядя в окно пустым взглядом, не видя ни дороги, ни деревьев, ни неба — только собственные мысли, которые наконец выстроились в одно простое, ясное решение.

Я не вернусь.

Ни за что.

Я не стану возвращаться, как побитая собака, закрывать глаза, терпеть и делать вид, что всё в порядке. Я больше не могу так жить.

Я резко постучала в стенку экипажа.

Кучер притормозил, и я приоткрыла дверцу, чувствуя, как внутри всё сжимается от решимости.

— Я передумала, — сказала я. — Мы едем в другую сторону.

Визуалы

Дорогие читатели!

Перед вами история, которая происходит в том же мире, что и роман «Папа для дракончика». Главные герои этой книги — Лейстер и Жозефина, и их путь совсем не похож на историю Доры и Нолана.

Если вы читали первую часть — вы встретите знакомые лица и узнаете, что случилось с героями после тех событий. Если нет — не волнуйтесь, эта книга написана так, чтобы быть понятной и самостоятельной. Все ключевые события первой части ненавязчиво объяснены по ходу сюжета.

Приятного чтения!

Наш обаятельный мерзавец Лейстер

Я остановилась в небольшом городке в гостевом доме. Сняла комнату на неопределённое время. Мне хотелось побыть одной и подумать, что делать дальше.

Лейстер не любит меня. И никогда не полюбит. Хватит питать ложные надежды. Пора отпустить.

Будет правильным снять с него магическую клятву и позволить объявить бастарда своим сыном. А моего... пусть оставит моего ребенка со мной. Одна клятва в обмен на другую.

Приняв решение, я почувствовала себя почти свободной. Оставалось только одно — найти место, где я буду в безопасности. Где я спокойно рожу и выращу малыша.

И я знала, куда ехать.

К Далии. Моей подруге по академии. Мы не виделись больше трех лет, но иногда посылали друг другу теплые письма.

Я не писала, что еду. Но Далия обрадуется. Я знала.

А если и нет... у меня были свои сбережения. На первое время хватит.

На рассвете я наняла дилижанс до соседнего графства. Дорога тянулась через лес. За окном мелькали мрачные стволы деревьев, небо затянуло тучами. Дилижанс трясло на ухабах, и я прижимала руку к животу, будто пыталась защи-

тить малыша от этой тряски.

Рядом дремала пожилая женщина. Напротив сидел молодой торговец и перебирал какие-то бумаги.

Я задремала, когда мы въехали в чащу. Только вдруг лошади заржали, кучер что-то крикнул, и дилижанс резко остановился.

— Стоять! Всем выходить!

Грубые голоса раздались снаружи. Кто-то заколотил в дверцу.

Торговец побледнел. Женщина рядом со мной испуганно охнула и принялась шептать молитву.

— Деньги и драгоценности на землю. Живо.

Разбойников было четверо. Свирепые мужики, вооруженные до зубов. Главный демонстративно поигрывал коротким мечом.

Я сняла кольца, бросила в общую кучу. Кошелёк с монетами — туда же. Сердце колотилось, но я старалась не смотреть им в глаза.

Не помогло.

Один из них — высокий, с гнилыми зубами и масляным взглядом — выволок меня из дилижанса за локоть.

— А эта ничего, — протянул он, оглядывая меня с ног до головы. — Давай-ка позабавимся, красавица.

Я рванулась. Вдарила его кулаком по лицу — не больно, но неожиданно. Вырвалась и побежала.

Ветки хлестали по лицу. Я не разбирала дороги, только

вперёд, прочь.

— Стой, сука!

Крик за спиной подгонял. Я бежала, пока земля не ушла из-под ног.

Споткнулась. Упала.

Голову пронзила острая боль. В глазах потемнело. Последнее, что я услышала — хруст веток под чужими шагами.

А потом — ничего.

Я очнулась от того, что кто-то тряс меня за плечо.

— Леди! Леди, вы живы?

Я с трудом разлепила веки. Надо мной склонился мальчишка лет двенадцати в рваной куртке. За его спиной — деревья. Лес. Я в лесу.

— Где... — прошептала я и замолчала.

Голос не слушался. В голове было пусто. Как будто кто-то взял и стёр всё, что было раньше.

— Кто вы? — спросил мальчишка. — Как вас зовут?

Я открыла рот. И не смогла ответить.

Я не знала, кто я. Не знала, как здесь оказалась. Не знала, куда ехала. Единственное, что смогла прошептать:

— Я не помню.

Визуалы 2

Жозефина

Все вокруг только и говорили о нападении на экипаж. Слова сыпались на меня со всех сторон:

— Не была ли ты там?

— Видела ли кого?

— Сколько их было?..

Я смотрела на окружавших меня людей и не могла ответить. Даже если бы захотела.

В голове — пустота. Глухая, вязкая, как туман, в котором теряются звуки и мысли. Я беспомощно хлопала глазами, ловя обрывки чужих фраз, но ни одна из них не цеплялась за что-то внутри.

Ничего.

Какая-то женщина осторожно смывала с моего лица засохшую кровь и грязь. Тряпка была грубой, вода — холодной. Я почти не чувствовала этого. Только тупую, пульсирующую боль справа — там, где я, как оказалось, ударилась о камень.

Каждое движение отзывалось в виске. Каждая попытка сосредоточиться — резью и темнотой перед глазами.

Мальчишка, что нашёл меня, привёл в небольшое селение, в дом старосты. Вокруг хлопотало много народа. Косились на моё нарядное платье. Я краем уха улавливала, что меня считают дочерью или женой какого-нибудь лорда. Рас-

считывают на хорошее вознаграждение.

Я молчала. Боялась, что их доброта закончится, если решат, что моя жизнь не стоит и мелкой монеты. Но всё же надеялась на жалость и человечность.

Староста выделил мне отдельную комнату, приказал дочери ухаживать за мной. Дни проходили, но память не возвращалась.

Я отдала своё платье. Попросила продать его, чтобы хоть как-то оплатить еду и крышу над головой.

Взамен мне дали одежду с чужого плеча. Грубый лен неприятно тёр кожу, сидел мешком, но я не жаловалась.

Я старалась быть полезной. Помогала хозяйке со стряпнёй и огородом. Получалось плохо, мои руки явно не привыкли к тяжелому труду. И с каждым днем моя нерасторопность раздражала хозяйку все больше.

Но все же доброта резко пошла на убыль, когда выяснилось, что я жду ребенка. Хозяйка обратила внимание, что меня часто тошнит по утрам и на отсутствие женских дней.

— Леди, — начала она, — мы не можем держать вас дальше. У вас скоро появится ребёнок. Для нас это обуза. Год неурожайный, а нам ещё дочь замуж выдавать. Денег и так не хватает...

— Поэтому вы хотите, чтобы я ушла, — закончила я.

— Здесь рядом есть монастырь. Я уверена, они приютят вас. И возможно, память там вернётся.

Монастырь оказался серым, каменным, с высокими сте-

нами и узкими окнами. Я стояла у ворот с котомкой за плечами — в ней лежало несколько смен грубого белья и краюха хлеба, которую сунули на дорогу.

Я долго не решалась постучать. Неужели моя жизнь пройдёт здесь, за этими стенами?

К воротам подбежали двое детей. С интересом уставились на меня.

— Вы наша новая учительница?

— Учительница? — я удивилась. — Разве у вас здесь есть школа?

— Здесь есть приют, — важно ответила маленькая девочка. — Мы живём здесь. Наша учительница уехала, и теперь некому учить нас читать и писать.

— Тогда я попала туда, куда нужно, — я улыбнулась.

Дети схватили меня за руки и повели внутрь.

Настоятельница осмотрела меня с ног до головы. Молча выслушала сбивчивый рассказ.

— Так вы говорите, вас никто не ищет?

— Староста, у которого я жила, ездил в город. Пробовал расспрашивать. Но никто не знает об исчезнувшей молодой женщине. Думаю, я действительно была в том экипаже и мой дом далеко отсюда.

— По вам видно, что вы не простолюдинка, — настоятельница прищурилась. — Жизнь у нас трудная. Приходится много работать и рано вставать. Но нам и правда нужна учительница для детей. Вы же помните грамоту?

— Да, — уверила я. — Письмо и счёт помню хорошо.

— Как вас называть?

Я замялась. В селении меня называли «леди», но здесь это будет звучать странно. Настоятельница, заметив моё замешательство, протянула перо и лист.

— Напишите первое, что придёт в голову.

Я взяла перо. Рука дрогнула.

Пальцы привычно легли на бумагу, и перо заскользило, выводя буквы. Красиво. Аккуратно. С изящными завитками. *Жози.*

Я уставилась на это имя. Что-то кольнуло внутри. А потом уверенно повторила:

— Меня зовут Жози.

Настоятельница улыбнулась.

— Добро пожаловать в наш дом, Жози. Пойдём, я покажу тебе комнату, где ты будешь жить.

Я поселилась в небольшой коморке над приютом. Моей соседкой была жизнерадостная хохотушка по имени Салли.

Монастырская жизнь оказалась трудной. Я вставала затемно, работала в огороде, стирала белье, ухаживала за детьми из приюта, учила их читать и писать. Руки огрубели, а пальцы покрылись царапинами и мозолями.

Шли месяцы.

Живот рос, и с каждым днём я всё острее чувствовала, как внутри шевелится новая жизнь.

А потом, холодной осенней ночью, начались схватки.

Я кричала, сжимая простыни. Салли держала меня за руку и уговаривала меня держаться.

А когда всё закончилось, повитуха подняла на руки крошечный комочек и улыбнулась:

— Девочка. Здоровая.

Мне положили ребёнка на грудь. И я замерла.

Головку покрывали светлые, почти серебряные кудри. А когда малышка открыла глаза, то посмотрела на меня невообразимо синими глазами. Таковыми, что дух захватывало.

3 года спустя

— Жози, ну пожалуйста, почитай нам ещё... — тянет малышка Иви.

Тоби, не отставая от сестры, делает умильное лицо и широко раскрывает глаза точно котёнок, выпрашивающий сметану.

— Хорошо. Но только одну страницу и спать, — говорю строго, хотя так и тянет улыбнуться.

Малыши дружно кивают головами.

Я переворачиваю страницу и продолжаю читать, позволяя голосу мягко течь, заполняя маленькую комнату. Когда я заканчиваю, в комнате уже почти тихо. Иви сопит, уткнувшись в подушку.

— Спокойной ночи, — шепчу я.

И, как всегда, подхожу к каждой кровати. Где-то поправляю съехавшее одеяло, где-то убираю прядь волос с лица, кого-то легонько целую в щёку.

Монастырский приют небольшой — двенадцать ребятишек, и мне хочется всем уделить внимание. Каждому дать хоть немного тепла.

Забираю книгу и иду в небольшую библиотеку, чтобы положить на место. По дороге встречаю Салли.

— Мири уснула, — шепчет она. — Вот неутомонная рас-

тёт. Еле уложила.

Я тихо смеюсь.

— Вся в меня.

— Это уж точно.

В этот момент раздаётся далёкий звон колокола. Мы обе невольно прислушиваемся.

— Кого это на ночь глядя принесло... — хмурится Салли.

Я пожимаю плечами, бросая взгляд в окно. За стеклом накрапывает дождь, тёмные тучи сгущаются всё плотнее.

— Может, путник ищет приюта. В такую погоду неудивительно.

Салли кивает, но всё равно выглядит настороженной. Мы расходимся, и я, вернув книгу на место, направляюсь на кухню.

Горло после чтения пересохло, да и просто хочется тишины. Несколько минут только для себя.

За день я устаю от суеты. И мне не хватает таких вот спокойных моментов, когда можно просто подумать или помечтать.

Я сажусь на лавку у потухающего очага, обхватываю кружку с еще теплым чаем руками и смотрю на угли.

Кто я?

Иногда я представляю, что меня всё же ищут. Безутешные родители, которые оплакали свою дочь.

Или муж.

При мысли, что у меня есть муж, внутри всё трепещет.

Какой он? Любил ли меня? Или я сбежала от него? Может быть, он поднимал на меня руку? Или я была ему неверна?

Я представляю себе статного мужчину со светлыми волосами. Как у Мири. С синими глазами. Такими же, как у дочери.

Я любила его?

Кажется, да. Иначе почему сердце щемит, когда я думаю об этом?

А может, я боялась его. Может, поэтому бежала. Упала. Ударилась головой. И забыла.

Забыла нарочно. Потому что помнить было слишком больно.

Я не знаю. Я ничего не помню. И это хуже всего.

Я делаю глоток чая, пытаюсь прогнать эти мысли.

— Жози... слава богам, ты здесь!

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. В кухню вбегает запыхавшаяся сестра Берта

— Помоги мне, пожалуйста, нарезать сыр и овощи, — шепчет она, но в голосе слышится паника.

Я ставлю кружку на стол.

— Что случилось? Для кого это?

Берта оглядывается на дверь, будто боится, что нас услышат.

— Ты что, не слышала? К нам приехали... драконы.

Она понижает голос до едва слышного шёпота.

— Молодая леди и с ней два лорда, — продолжает Берта.

— Леди стало нехорошо в дороге, и они попросили остановиться на ночлег. Хотя как попросили... — Она усмехается.

— Разве им откажешь?

Мы быстро нарезаем сыр, хлеб, овощи. Берта раскладывает всё на тарелки, я помогаю.

— Боязно мне что-то идти, — причитает она. — Ещё скажу что-то не то. Или подам не так. Я манерам не обучена.

Она жалобно смотрит на меня.

— Жози... лучше тебя здесь никто не справится. Ты говоришь красиво, держишься... как леди. Пожалуйста, отнеси им.

— Берта...

— Пожалуйста, Жози, отнеси им еду.

Я хочу отказаться. Больше всего мне хочется подняться наверх, в свою комнату, и прижать к себе Мири. Просто лечь рядом, обнять её и забыть обо всём.

Но Берта смотрит так страдальчески, что язык не поворачивается сказать «нет».

— Пожалуйста, — шепчет она. — У меня от ужина кусок сладкого пирога остался. Забирай, отдашь Мири. Представляю, как она обрадуется.

Я вздыхаю. У Мири просто зверский аппетит, хотя по ее хрупкой фигурке и не скажешь.

— Хорошо. Помоги мне всё донести до дверей столовой.

— Спасибо тебе, Жози!

Берта берёт кувшин с питьём и стаканы. Я — поднос с

тарелками. Мы подходим к дверям столовой. Берта толкает створку плечом и пропускает меня вперёд.

Я вхожу, старательно не глядя по сторонам. Только краем глаза замечаю двух мужчин, сидящих ко мне спиной. Напротив них — хозяйка. Рядом с ней молодая красивая девушка.

— ...меня укачало в дороге, — жалуется девушка. — Благодарю вас за гостеприимство.

— Сейчас перекусите, и силы вернуться к вам, — мягко отвечает хозяйка.

Я подхожу к столу и молча расставляю тарелки.

— Доброго вечера, — произношу, чтобы быть вежливой.

— Спасибо, Жози, — кивает хозяйка.

Я возвращаюсь за кувшином и бокалами. И спиной чувствую жжение. Оно касается спины, словно пальцы, заставляя кожу под одеждой неприятно покалывать. Меня явно разглядывают. Пристально и с интересом. И это мне совсем не нравится.

Я делаю вдох, стараясь не обращать внимания, беру бокалы и снова вхожу в столовую. Ставлю кувшин в центр стола.

— Может быть, вы составите нам компанию... Жози? — раздаётся рядом бархатистый мужской голос.

Я поворачиваю голову. На языке вертится вежливый отказ, хотя не могу скрыть раздражения на лице. Тон голоса заговорившего со мной мужчины звучит немного провокационно. Словно я подавальщица в таверне, которую оклик-

нули: *«Эй, красотка, подойди»*.

Я медленно поднимаю глаза. И тут же забываю, зачем собиралась огрызаться.

Потому что теряюсь под пристальным взглядом синих глаз. Невозможных. Глубоких, как омут, в котором можно утонуть, даже не заметив.

Я сморгнула, словно пытаюсь стряхнуть наваждение, и с усилием отвожу взгляд.

— Благодарю. Но я должна покинуть вас, — отвечаю.

Резко отстраняюсь, не понимая, что со мной. Почему я так реагирую на этого мужчину? Говорят, мужчины с драконьей кровью способны очаровать любую женщину, подчинить одним взглядом, заставить забыть обо всём, кроме них.

Неужели я тоже поддалась? И поэтому меня так и тянет вскинуть взгляд. Посмотреть на него.

— Сёстрам запрещено сидеть вместе с гостями, — мягко, но твёрдо говорит настоятельница, словно отрезая всё лишнее. — Жози, на сегодня достаточно. Возвращайся в свою комнату.

— Благодарю, — отвечаю я, не поднимая глаз, потому что боюсь: иначе снова посмотрю на него.

Я отступаю бесшумно, как меня учили, и направляюсь к выходу, чувствуя на себе взгляд, который не исчезает, даже когда я уже почти у двери.

— Жози живёт при монастыре? — доносится за спиной его голос, низкий, бархатистый, и от этого звука по спине пробегает лёгкая дрожь, которую я не могу объяснить.

— Да, — отвечает настоятельница. — В её обязанности входит забота о приюте. У нас на воспитании несколько си-

рот.

— Неожиданно...

Я прикрываю дверь, не услышав окончание разговора. Мне не нравится заинтересованность этого мужчины. И взгляд, которым он на меня смотрит — слишком пристальный, изучающий. И сам он... слишком привлекательный. Вызывающий. Порочный.

Я возвращаюсь в свою комнатку. Мири спит, свернувшись калачиком. Салли тихо похрапывает на своей кровати у противоположной стены, но стоит мне пошевелиться, как она сразу просыпается и приподнимается на локте.

— Жози... где ты была так долго?

— Обслуживала знатных гостей, — отвечаю тихо, стараясь не разбудить Мири.

Салли морщит нос.

— Не люблю, когда такие приезжают.

Я невольно усмехаюсь.

— Завтра они уедут, и всё станет как прежде.

Я говорю это больше для себя, чем для неё. Мне будет спокойнее, когда непрошенные гости покинут монастырь.

Ложусь, поворачиваюсь на бок, закрываю глаза...

И в этой темноте перед внутренним взглядом снова всплывают глаза незнакомца. Синие. Холодные.

И накатывает ощущение, что я видела их раньше.

От этой мысли становится не по себе.

Утром я спускаюсь в приют. Мири ещё посапывает в по-

стели, и Салли обещает присмотреть за ней.

Приношу малышам тёплой воды для умывания, потом веду всех в столовую завтракать.

Всё кажется таким обыденным и привычным, что я забываю о гостях. Надеюсь, что они уехали. Так будет всем проще.

После завтрака завожу детей в классную комнату. Рассаживаю за длинный стол. Салли приводит Мири, и я сажаю её вместе со всеми.

Раздаю грифельные доски, надиктовываю слова. Подхожу к каждому, исправляя ошибки.

— Тоби, аккуратней... вот так уже лучше. Мари, в первом слове ошибка...

Подхожу к каждому, поправляю, хвалю.

— Иви, у тебя сегодня самые красивые буквы. Ты старалась?

Девочка довольно кивает.

Когда все справляются с заданием, я сажусь во главе стола и начинаю рассказывать.

— Сегодня я расскажу вам историю о маленьком дракончике, который потерял свою семью и искал её по всему свету, — начинаю я, понижая голос до таинственного шёпота.

Дети замирают.

— Он летел над горами, над лесами, над морями. Спрашивал у птиц, у зверей, у ветра. Но никто не знал, где его семья...

Я рассказываю увлечённо, жестикулирую, меняю голос для каждого персонажа. Дети слушают, раскрыв рты.

Но вдруг замечаю, что они отвлеклись. Смотрят куда-то за мою спину.

— Что такое? — поворачиваю голову.

В класс входит настоятельница. А за ней — вчерашние гости.

— Гости захотели осмотреть наш приют, — говорит настоятельница, — и познакомиться с детьми.

Я выпрямляюсь, чувствуя, как внутри снова появляется напряжение, будто натянутая струна.

Они подходят к нам.

Девушка улыбается детям, присаживается рядом, что-то спрашивает. Те оживляются, перебивают друг друга, рассказывают.

— У вас замечательная учительница, — говорит один из мальчиков с гордостью.

— Она нас всему учит! — подхватывает другая девочка.

— И сказки рассказывает! — добавляет Иви.

Я смущённо отвожу взгляд, но чувствую, как на меня снова смотрят.

Тот же самый мужчина. Синие глаза. Взгляд необычайно серьёзный, а вот на губах — лёгкая усмешка. Словно всё это его забавляет.

— Вы делаете большое дело, Жози, — мягко говорит девушка. — Настоятельница рассказала нам вашу историю.

Наверное, нелегко жить, не помня своего прошлого.

Я чуть сжимаю пальцы, но заставляю себя улыбнуться.

— Возможно, оно было не слишком радужным, раз я предпочла его забыть.

— И вас устраивает такая жизнь? Здесь, вдали от мира?
— произносит мужчина. Скептически приподнимает брови, и его усмешка становится заметнее. Такое ощущение, словно он испытывает меня. Проверяет. Ищет слабинку.

Я на секунду задерживаю на нём взгляд, чувствуя, как внутри снова поднимается странное упрямство.

— Монастырь стал мне домом, — отвечаю спокойно. — И мне этого достаточно. Нам с дочерью здесь хорошо.

Лицо мужчины застывает. Усмешка гаснет. Взгляд становится другим — более острым.

— У вас есть дочь? — переспрашивает он.

— Почему вас это удивляет? — мы скрещиваемся взглядами. И кажется, что между нами летят искры.

— Лейстер, не наседай на Жози, — разряжает обстановку девушка. — А вы, Жози, не обращайтесь на него внимания. Он бывает невыносим. Мы зашли попрощаться. Экипаж уже ждёт нас.

— Счастливой дороги, леди. Лорды, — я чуть склоняю голову.

А в голове проносится только одно: «Слава богам, они наконец уезжают».

Я замерла с опущенными глазами, ожидая, когда они наконец уйдут.

Девушка передала настоятельнице набитый монетами мешочек — на нужды приюта. Настоятельница рассыпалась в благодарностях.

Я стояла, вытянувшись в струнку, сцепив перед собой руки. Мысленно перебирала, что сегодня нужно сделать: заняться починкой белья, вместе с Салли раскроить ткань на новые нижние сорочки для девочек. Тобиасу сшить брюки — старые совсем не по росту, ткань обветшала так, что невозможно штопать.

— Мне нужно с ней поговорить...

— Вы можете обо всём узнать у меня. Я не понимаю, зачем тревожить Жози...

Я вздрогнула, услышав своё имя. Вскинула глаза. Настоятельница и этот мужчина — Лейстер — говорили обо мне.

Лейстер с какой-то ленивой грацией посмотрел в мою сторону. Вроде бы на меня смотрит, но как-то словно насквозь. Только синие глаза потемнели, стали почти чёрными.

— Это не займёт много времени. Жози, вы же уделите мне пару минут?

Признаться, я растерялась. Не понимала, что он хочет от меня.

— Лейстер, нас ждёт экипаж... — неуверенно протянула девушка. — О чём тебе разговаривать с Жози?

В её словах полыхнула обида. А ведь он нравится ей, поняла я. И сейчас она совсем не может скрыть ревнивого взгляда.

Лейстер не обращает на неё внимания. Судя по виду, ему вообще на всех плевать. На приличия и условности.

Он протянул мне руку. Ладонь узкая, пальцы длинные, почти изящные. На мгновение приходит странная мысль, что такие руки могли бы принадлежать музыканту... если бы не скрытая в них сила.

— На пару минут, Жози, — и улыбается так, что просто невозможно устоять. — Думаю, моё предложение вас заинтересует.

Все с недоумением смотрят на нас. Пауза затягивается так, что становится немного неприличным мое молчание.

— На пару минут. Не больше. Мне нужно занятие закончить.

Я не протягиваю в ответ руку. Оборачиваюсь к притихшей детворе:

— Не шумите. Я быстро...

Те кивают головами.

Выхожу из классной комнаты в коридор. Рядом дверь, выход в небольшой садик. С девочками мы там цветник разбили, а мальчишки, те, что постарше, сколотили пару лавок.

Туда я и веду Лейстера. Он идет в шаг за мной и затылок

горит от его взгляда.

Разворачиваюсь к нему, сцепляю руки на груди.

— О чём желает поговорить со мной милорд?

Он застывает напротив. Прикусывает зубами нижнюю губу и просто смотрит.

— У меня к вам предложение, — говорит наконец. — Я хочу, чтобы вы поехали со мной.

— Простите... вы серьёзно?

— Вполне.

Он чуть склоняет голову.

— Мне нужна няня для сына. И вы мне подходите.

Я качаю головой.

— Это так неожиданно. Но я не могу вот так... все бросить. Дети привязались ко мне. И всё это звучит немного странно.

Меня действительно смущает его предложение. Он может нанять любую прислугу за любые деньги. Зачем ему я?

— Почему же странно? — спокойно спрашивает он. — Я вижу, как вы с ними общаетесь. Вы терпеливы. Внимательны. Дети к вам тянутся. Я как раз подыскивал женщину с подходящими качествами. Чуткую и добрую. Способную подарить своё тепло чужому ребёнку. Моему сыну это нужно.

Я невольно напрягаюсь.

— Его мать умерла, — продолжает он. — И я не могу дать ему того, что должна была дать она. Мне нужна женщина, которая сможет стать для него... больше, чем просто при-

слугой.

Жалость волной растекается по груди. Но в отличие от малышей из приюта его сын не в чем не нуждается. И здесь я нужна больше.

— У меня дочь. Она совсем малышка. Не уверена, что справлюсь, что у меня хватит времени...

— Подумайте, — мягче говорит он, — ваша дочь будет воспитываться наравне с моим сыном.

А я продолжаю сомневаться. Как-то все слишком неожиданно. Гладко. И чувствую себя мышью, которую заманивают в мышеловку.

Но с другой стороны это просто великолепный шанс начать новую жизнь. Я смогу выйти за пределы монастыря. Побывать среди людей. И вдруг кто-то меня узнает.

Но сам Лейстер меня смущает. Я чувствую себя неуютно рядом с ним. Что-то в нем меня тревожит, и я никак не могу отделаться от этого липкого ощущения.

— Простите, милорд. Но я все же откажусь.

Выпала и стиснула пальцы. С вызовом взглянула в его лицо.

— Что ж... тогда не буду вас больше задерживать, — его губы дрогнули в понимающей усмешке. Словно он и не сомневался в моем отказе.

Я выдыхаю с облегчением и одновременно с какой-то странной горечью. Киваю на прощание и проскальзываю мимо него к выходу.

В классе гостей уже нет. Я продолжаю урок, но мысли путаются, и сосредоточиться становится сложно. Весь день проходит как в тумане.

К вечеру я почти убеждаю себя, что поступила правильно. Моё место здесь. По крайней мере пока Мири не подрастёт. А там будет видно.

Я укладываю детей спать, когда в комнату заглядывает Салли.

— Жози. Тебя срочно зовет настоятельница.

— Что случилось? — я напрягаюсь.

— Не знаю. Но она велела прийти немедленно.

Я иду, чувствуя, как внутри нарастает тревога. Настоятельница редко зовёт к себе так поздно. И что-то подсказывает: здесь не обошлось без синеглазого красавчика, которому я имела наглость отказать.

Переступаю порог. Настоятельница сидит за массивным дубовым столом, перед ней лежит кошелёк, набитый монетами.

— Ты знаешь, зачем я тебя позвала? — спрашивает она без предисловий.

— Догадываюсь, — отвечаю я. — Но я уже отказала лорду Лейстеру.

— Знаю. Он мне сказал. — Настоятельница вздыхает и жестом приглашает сесть. — Жози, я прошу тебя пересмотреть своё решение.

Я сажусь на край стула, сцепив пальцы.

— Почему?

— Потому что он прислал это, — она пододвигает ко мне кошелёк. — Пожертвование. Небольшое, но для нас ошутимое. И пообещал гораздо больше, когда ты примешь его предложение.

Я молчу, глядя на мешочек с монетами.

— Я наводила справки, — продолжает настоятельница. — Лорд Лейстер из очень влиятельного рода. Обижать такого

человека... не в наших интересах. Монастырь и так держится на честном слове. Отказать ему — значит нажать врага.

— То есть вы предлагаете мне продаться? — горько усмехаюсь я.

— Я предлагаю не губить тех, кто приютил тебя, — жёстко отвечает настоятельница. — Ты не помнишь себя, Жози. Мы дали вам с дочерью кров, еду и работу. Теперь пришло время помочь нам. Я не горжусь этим, Жози. Но выбора у меня нет. Эти деньги помогут нашей обители. Мы сможем обустроить приют. Купить детям тёплую одежду на зиму. Закончить ремонт в трапезной — крыша течёт уже второй год, а починить не на что.

Я опускаю глаза. Она права. Как бы горько это ни звучало.

— Ты понимаешь, Жози? Я не ради себя прошу.

— Понимаю.

Поднимаю на неё взгляд. Настоятельница выглядит старой. Уставшей. И я вдруг понимаю, как тяжело ей даётся этот разговор.

— Хорошо, — говорю я. — Я соглашусь.

Настоятельница кивает, и в её глазах мелькает облегчение.

— Спасибо, Жози. Ты не пожалеешь. Будешь жить в большом доме. В тепле и сытости... твоя дочь ни в чём не будет нуждаться. А лорд Лейстер, уверена, будет добр к тебе.

Да уж. Железный аргумент. И возразить нечего. Не жаловаться же, что этот мужчина с синими глазами вызывает у

меня оторопь. Страх и восхищение вперемешку. И я совсем не понимаю, что со всем этим делать.

Салли ждёт меня в нашей коморке. Мири уже крепко спит, свернувшись клубочком под тонким одеялом. Подруга сидит на своей кровати и смотрит на меня круглыми глазами.

— Ну что? — выдыхает она. — Что сказала настоятельница?

Я опускаюсь на свою кровать и устало провожу ладонями по лицу.

— Я уезжаю, — говорю я. — К лорду Лейстеру. Няней для его сына.

Салли округляет глаза.

— Ой, Жози! Да это же... это же замечательно! — она всплёскивает руками. — Тебе повезло! Сам лорд, огромный дом, деньги... Ты теперь заживёшь как леди!

— Как служанка, — поправляю я.

— Но в богатом доме! — Салли не унимается. — И Мири будет расти не в приюте, а в настоящем поместье. Ты только подумай!

— Наверное, — тихо отвечаю я. — Наверное, ты права.

Но внутри всё сжимается от непонятной тоски. Я чувствую — что-то надвигается. Что-то, от чего по спине бегут мурашки. И связано это с этим мужчиной.

На рассвете я собираю наши вещи. Их оказывается до обидного мало: пара смен белья, тёплый плащ, расчёска, тря-

пичная кукла и два стареньких платица для Мири. Всё умещается в одну небольшую котомку.

Мири сидит на кровати и растерянно болтает ножками.

— Мама... мы правда уезжаем?

— Да, солнышко, — я приседаю перед ней и глажу по щеке. — Мы едем в новый дом. Там будет мальчик, с которым ты сможешь подружиться.

— А Салли? А Иви? А Тоби? — голосок Мири дрожит.

— Они останутся здесь. Но мы обязательно будем их навещать, — отвечаю я, хотя сама в это почти не верю. Легче притвориться, что всегда можно вернуться назад.

Прощание с детьми даётся тяжелее всего.

Они собираются в классной комнате. Иви тихо плачет, уткнувшись мне в юбку. Тобиас пытается держать лицо, но губы дрожат. Остальные просто стоят и смотрят большими грустными глазами. За три года эти малыши стали мне почти родными.

— Я буду писать вам письма, — обещаю я, с трудом сдерживая слёзы. — И присылать гостинцы. Учитесь хорошо и слушайте Салли, ладно?

Дети кивают. А потом выходят провожать меня всей гурьбой. Да и не только дети — весь монастырь высыпал на крыльцо.

Я последний раз оглядываюсь на серые стены монастыря, на окна приюта, где ещё вчера мы все вместе читали сказки. На Салли, которая машет рукой, пытаюсь улыбаться сквозь

слёзы.

Нас уже ждёт экипаж. Кучер открывает лакированную дверцу с гербом. Я подсаживаю Мири и забираюсь внутрь.

Экипаж трогается. Монастырь скрывается за деревьями.

Остаётся только дорога.

И неизвестность впереди.

Дом и правда большой. Просто огромный и очень красивый. Вокруг сад, розы цветут.

Я чувствую себя неловко в потрёпанной монастырской одежде. Линялая ткань плаща и заплатка на рукаве кажутся мне кричащими и неуместными в этой роскоши.

Боги, что я вообще делаю здесь? Что я могу дать маленькому мальчику, кроме чтения книг и пожеланий спокойной ночи? И ещё неизвестно, как мы поладим. Одно дело — сироты из приюта, которые рады любому проявлению внимания. И совсем другое — маленький сын лорда, выросший в довольстве и любви родственников.

Пока я стою, растерянно оглядываясь, ко мне подходит молодой мужчина. Лет двадцати восьми, высокий, с тёплой улыбкой и аккуратными тёмными волосами. Симпатичный. Очень. В хорошо сшитом камзоле, который сидит на нём как влитой.

— Вы, наверное, Жози? — спрашивает он.

— Да, это я, — отвечаю настороженно.

— Меня зовут Эдриан, я управляющий имением, — он слегка склоняет голову. — Лорд Лейстер поручил мне показать вам ваши комнаты и помочь устроиться. Пойдёмте, я провожу.

— Благодарю, — киваю я и беру Мири за руку.

Эдриан ведёт нас вглубь дома. Мы проходим по широким коридорам с высокими потолками, мимо картин в тяжёлых рамах и массивных ваз. Я стараюсь не глазеть по сторонам, но это трудно.

— Здесь у нас гостиная, — говорит он, показывая на одну из дверей. — А это библиотека. Лорд Лейстер любит читать.

Сердце ёкает. Я представляю стеллажи до самого потолка, наполненные книгами. В скромной монастырской библиотеке о таком можно только мечтать — там всего три полки, и половина книг зачитана до дыр.

Я решаю, что когда получу вознаграждение, куплю несколько интересных книг и пошлю в подарок для приюта.

— А вот и ваши комнаты, — Эдриан останавливается перед двумя дверями напротив друг друга. — Для вас и для девочки. Лорд распорядился выделить отдельные спальни.

— У меня будет своя комната? — Мири поднимает на меня испуганные глаза.

— Ты разве не хочешь? — удивляюсь я.

— Я всё равно буду к тебе приходить ночью, — шепчет она, вцепившись в мою юбку.

Я невольно улыбаюсь и глажу её по голове.

— Конечно, приходи, солнышко. Моя дверь всегда открыта.

Эдриан смотрит на нас с мягкой улыбкой и открывает дверь в мою спальню.

Комната просторная, светлая, с большим окном и высокой

кроватку под балдахином. На полу — пушистый ковёр. В углу — туалетный столик с зеркалом.

Я такой даже в лучших снах не представляла.

— Лорд Лейстер распорядился подготовить для вас платья, — Эдриан кивает на высокий шкаф в углу. — Здесь несколько простых, на первое время. Позже можно будет заказать другие, если понадобится.

Я подхожу к шкафу, открываю дверцу. Внутри — три платья из добротной, но скромной ткани. Серое, синее и зелёное. Не роскошные, но в сто раз лучше того, что на мне сейчас.

Я молча киваю, всё ещё не веря происходящему.

— А когда приедет сам лорд? — спрашиваю я.

— Он отправился за сыном. Должен вернуться к вечеру, — отвечает Эдриан. Потом чуть медлит и добавляет с лёгкой улыбкой: — Если вам что-то понадобится — еда, горячая вода, дополнительные вещи для девочки — просто скажите мне. Я всегда рядом.

Мы немного говорим. Эдриан расспрашивает вежливо, как долго я жила в монастыре и не тяжело ли было с маленькой дочерью одной. И смотрит так заинтересованно, что я немного теряюсь. Не привыкла к мужскому вниманию. А Эдриан довольно милый и разительно отличается от надменного лорда Лейстера. И мне приятно думать, что я могу здесь обрести в его лице друга.

Вдруг снаружи раздаётся стук копыт и шум подъезжаю-

щего экипажа.

Эдриан выглядывает в окно.

— Похоже, они уже здесь. Пойдёмте встречать.

Сердце тревожно сжимается. Мири тоже напрягается и крепче вцепляется в мою руку.

— Мама, а вдруг мальчику я не понравлюсь? Вдруг он не захочет со мной дружить?

— Всё будет хорошо. Ты добрая и весёлая. Уверена, вы подружитесь.

Стараюсь ее успокоить, хотя у самой внутри все дрожит от нервов.

Мы выходим на крыльцо как раз в тот момент, когда экипаж останавливается. Дверца открывается.

Сначала выходит Лейстер.

Синие глаза сразу находят меня. На долю секунды в них мелькает что-то острое, почти хищное. А губы изгибаются в холодной усмешке.

А после его взгляд перемещается на Мири.

Он замирает. Смотрит так, будто видит призрак. Его лицо становится непроницаемым, каменным, но ноздри раздуваются, выдавая напряжение.

Мне хочется загородить ее собой. Спрятать. И внутри щемящее чувство, что я ошиблась, приехав сюда.

Лейстер

Смотрю на Криса и все переворачивается внутри, из-за того, что не могу признать его как своего сына. Для всех его официальный отец – Нолан. Мой старший брат. И я ему благодарен, что он признал его. Что воспитывает так, будто это его собственный ребенок.

Благодарен... да. Но при этом хочется рвать и метать. Прижать к себе сына и сказать, глядя в глаза:

- Я твой настоящий отец. Тот самый идиот, что не нашёл в себе сил признать тебя, когда ещё было время. А теперь... теперь я всё бездарно испортил

Сам виноват. Натворил дел по юности так, что до сих пор расхлебываю. Любимую женщину потерял. А на нелюбимой – женился.

Я надеялся, что жена примет Криса. Что её ледяное сердце хоть немного смягчится под его мягким, доверчивым взглядом. Я старался. Тьма, как я старался быть тем мужем, о котором она мечтала: надёжным, богатым, внимательным. Сидел вечерами у камина, слушал её бесконечную пустую болтовню и улыбался, словно мне действительно интересно. Всё ради того, чтобы однажды привести сына в дом. Побывать с ним несколько дней, не прячась по углам. Чтобы она не пу-

гала его своим холодом. А лучше вообще не показывалась.

Но однажды я увидел, как она его чуть не ударила. Он же неугомонный. Сущий маленький дракончик. Я сыну сказал, что его в комнате подарок ждет. Крис и побежал с всех ног. Свернул за угол, и я услышал визг Жозефины. Прибавил шаг. Смотрю, Крис застыл, сжавшись в комок. А Жозефина пылает вся от гнева. Руку занесла для удара.

— Гадёныш! Тебя манерам не учили?!

— Прекрати! — я перехватил её запястье.

— Научи своего ублюдка манерам. Или я сама...

— Замолчи! — я сжал её ладонь так, что кости хрустнули. Жозефина лишь задрала подбородок и выплюнула мне в лицо:

— Я никогда не сниму с тебя клятву. Не позволю признать его своим сыном. Я ненавижу тебя, Лейстер. Ты нарочно его приводишь — позлить меня, напомнить, что я не могу родить ребёнка!

— Ты думаешь, это что-то изменит? Ребенок от тебя? Ты думаешь, я хочу его?

Она побледнела. Выдернула руку и ушла, хлопнув дверью.

Я присел, прижал Криса к себе. Его спинка дрожала под моей ладонью.

— Она злая... — прошептал он.

— Не бойся, — я крепче обнял сына и поднял на руки. Он обхватил ладошками моё лицо, заглянул в глаза с той серьёзностью, от которой у меня сжималось сердце.

— Дядя Лейстел... а почему ты с ней живёшь?

— Не знаю, малыш. Так нужно, наверное.

Тьма!

Да никому этот проклятый брак не нужен! Неужели сама Жозефина не видит, что нет у нас будущего? Не чувствует, что не люблю я ее? Терпел ради сына. Но сейчас она перешла черту.

Принятие взвешенных решений — это всегда было по части Нолана. А я отомстил, как умел. Приволок девку, которая за хорошие деньги правдоподобно сыграла мою любовницу. Впервые увидел, как треснула ледяная маска на лице Жозефины. Как сквозь неё проглянуло что-то человеческое.

Потом смотрел из окна как она уезжает. И честно — испытал облегчение. Что все кончилось. Я даже не искал ее потом. Слышал, что болтали, будто видели ее в южной провинции с мужчиной. Но это уже не мое дело.

Когда-то давно точно так же ушла моя мать от отца. Хлопнула дверью и исчезла на годы.

Так что все закономерно.

А Крис теперь стал частым гостем в моем доме. И я благодарен Нолану, что дает мне видеться с сыном. Я даже себя счастливым наконец почувствовал. Живым.

Купил дом в живописном местечке, рядом лес. Озеро. В соседях пожилой барон с драконьей кровью. Мы подружались с его сыном Греггом. А дочь — Эления, довольно недурна собой.

Я был доволен своей жизнью. Пока возвращаясь домой с Грегом и Эленией не остановились в том монастыре.

Жозефину я узнал сразу, хотя она все же изменилась за три года. Весь лоск сошел. Сейчас – обычная. Прошла бы мимо – не оглянулся. Хотя взгляд остался прежним. Взглянула так – словно ледяная игла в сердце впилась. Это и взбесило. Какой была стервой, такой и осталась.

Мне и нужно от нее одно – чтобы клятву назад забрала. Сломать ее. И то что не помнит себя ничего не меняет. Лишь упрощает дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.